Архивариус нашего времени

И. В. Пешков

Памяти Николая Алексеевича Панькова

Я знал Николая Алексеевича мало, хотя видел в первые десять лет после столетия со дня рождения М. М. Бахтина часто. Раз в год как минимум, а в иные годы и два-три раза. Москвичи согласятся, что это много для встреч с человеком, с которым вы не работаете вместе. Можно жить здесь и видеться с близким другом раз в пять лет. Николая Алексеевича спасало то, что он был тогда не из Москвы: он всегда мог предъявить своим здешним знакомым некую вненаходимость как аргумент возможности находиться вместе. К тому же прежде чем начать приезжать ко всем нам в Москву, он пригласил нас всех в Витебск, то есть умел не только гостевать, но и хозяйничать. Правда и в Витебске он был гостем из Сибири. В целом в этих своих ипостасях хозяина-гостя он был хозяином ситуации, связующим звеном темы «Михаил Михайлович Бахтин», большой темы нашей молодости, темы вместе с Николаем Алексеевичем Паньковым, вернее при Николае Алексеевиче Панькове, еще вернее, благодаря Николаю Алексеевичу Панькову получившей формальную прописку и полиграфическое воплощение в ДКХ. В ответ мы все получили возможность не только думать о М. М. Бахтине, но и писать о нем в журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Так в 90-е годы Паньков оказался адвокатом всех влюбленных в Бахтина. Адвокатом, потому что влюбленные были влюблены по-настоящему, а значит, ревновали, нередко со всеми вытекающими отсюда этико-правовыми последствиями. Паньков, конечно, тоже был влюблен, но его любовь была более возвышенной, вернее, менее эгоистичной, поэтому он защищал всех от всех. И привечал всех: как солнце, с востока на запад, от Японии до Америки (в редколлегии ДКХ, в частности, — представители США и Японии)!

Как известно, девяностые годы были временем очередного передела собственности в России. Стали делить и бахтинское наследие. Оказалось, что это — наследие не просто в переносном смысле (всеобщее духовное наследие), но и в прямом юридическом смысле, вдруг обнаружилось что у советских гуманитарных гениев есть финансовые наследники, владельцы авторских прав на написанное ими... То, что не всегда легко можно было издать при советской власти, вдруг стало почти невозможно издать, потому что у текстов нашлись хозяева, порой ничего в этих произведениях не понимающие, порой, наоборот понимающие их духовную ценность очень хорошо. И в том и в другом случаях коммерческий интерес наследников нередко становился серьезным препятствием для издания нашего общего гуманитарного наследия. С юридической точки зрения, частным случаем воз-

никшей проблемы авторских прав стал так называемый бахтинский вопрос, вопрос, осложненный неоднозначной атрибуцией авторства в изданиях ряда работ конца двадцатых — начала тридцатых годов, авторство которых было формально приписано близким друзьям М. М. Бахтина. Вот эта тема, собственно, всегда была главной в наших с Николаем Алексеевичем беседах. Рассмотрению бахтинского вопроса было посвящено в ДКХ несколько статей. Сам Паньков внес неоценимый вклад в решение проблемы, он нашел и опубликовал личное дело аспиранта В. Н. Волошинова, в котором фактически содержался конспект двух книг («Марксизм и философия языка» В. Н. Волошинова и «Формальный метод в литературоведении» П. Н. Медведева), вскоре после появления в деле конспекта вышедших из печати. Мой текстологический анализ, ставший возможным благодаря публикации Николая Алексеевича, свидетельствовал в пользу того, что обе книги написаны одним и тем же человеком, а вся совокупность лингвистических и иных свидетельств других исследователей говорил о том, что, скорее всего, основная часть обеих книг написана М. М. Бахтиным, хотя с этим до сих пор многие не соглашаются.

Сам Николай Алексеевич ни на какие выводы из своего архивного открытия не претендовал, он всегда позиционировал себя в качестве чистого текстолога: я опубликовал вам архивный материал, а вы решайте, что это значит, такова была его публичная позиция, которая в случае общения со мной совпадала с приватной. Впрочем, я думаю, что эти позиции у него всегда совпадали, у Николая Алексеевича не было официального лица, вернее у него было одно и то же лицо и для частного и для официального общения. Возможно, это связано с тем, что его официальное дело было одновременно и его глубоко личным делом. Обычно такое единство декларируется, но я почему-то не часто встречал у людей такую аутентичность, для меня Николай Алексеевич Паньков в этом смысле — редчайшее исключение. Публикуя в своем журнале заклятых идеологических врагов, он умел одинаково объективно и доброжелательно воспринимать всех и всем давать высказаться. Он как бы архивировал с помощью своего журнала позиции разных сторон горячего спора так же, как он приводил и анализировал архивные записи тридцатых, сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов, прежде всего архивы-стенограммы докторской защиты Бахтина. Эта апология Бахтина, можно даже сказать, эта битва за Бахтина, несколько смикшированная всеобщей пробахтинской эйфорией семидесятых и восьмидесятых годов, новой волной поднялась в девяностые и нулевые. И Паньков продолжал архивировать гуманитарно-жизненные баталии. Мы все крайне обязаны ему, мы все остались в его архивах.

Однажды он удивил меня, сказав, что собирается защищать докторскую. Диссертация никак не могла повлиять на его научное имя (которое было безупречным) или на его профессиональную карьеру (которая состоялась), зачем ему понадобилась эта рутинная процедура, эта мучительная бюрократическая волокита, изумлялся я про себя. Как бы извиняясь (Бахтин-то остался кандидатом!), Николай Алексеевич посетовал, что видит в звании кандидата наук что-то недоделанное, я бы по результатам беседы

сформулировал: недосовершенство. Тогда понятно: и тут не было разрыва внешнего и внутреннего, бросив преподавание в Витебске, Николай Алексеевич не жалел об этом: *учить* все-таки всегда немного значит *поучать*, а это был совсем не его стиль! Да и темой его докторской диссертации оказалась одна нетипичная история, история о том, как не стал доктором М. М. Бахтин. Не исключено, что в этом было что-то фатальное: В. В. Кожин, В. Н. Турбин и многие другие известные бахтиноведы тоже так и не стали докторами своих филологических наук. . .

Потом, гораздо позже, он, как мне представляется, совершил роковую ошибку, переехав в Москву: он стал одним из нас и потерял качество объединяющего всех нас начала. Понятно, что, вероятно, существовали некие бытовые, семейные мотивы для такого поступка, возможно, что это даже была осознанная жертва, но, перестав быть гостем столицы, он перестал быть хозяином нашего общества, ушел в тень и его журнал, ушел в тень большой истории, из которой он еще долго будет нести свет в любую современность.

3 ноября 2014 года